

ПЕТЕРБУРГСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФОРУМ
22—24 мая 2014

Панельная сессия
СТРАТЕГИЯ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ: ПРИОРИТЕТЫ
ИНВЕСТИРОВАНИЯ

23 мая 2014 — 11:45—13:00, Павильон 3, Амфитеатр

Санкт-Петербург, Россия
2014

Модератор:

Сергей Нарышкин, Председатель Государственной Думы Российской Федерации

Выступающие:

Рубен Аганбегян, Председатель совета директоров, ФК «Открытие»

Сергей Беляков, Заместитель Министра экономического развития Российской Федерации

Виктор Вексельберг, Председатель совета директоров, группа компаний «Ренова»; президент, Фонд «Сколково»

Дмитрий Зауэрс, Первый вице-президент, «Газпромбанк» (Открытое акционерное общество)

Рустам Минниханов, Президент Республики Татарстан

Клайд Таггл, Старший вице-президент по связям с общественностью и коммуникации, The Coca-Cola Company

Бернард Урс, Заместитель председателя совета директоров, Danone

Участники дискуссии:

Сергей Жвачкин, Губернатор Томской области

Владимир Кононов, Первый заместитель Председателя Комитета по науке и наукоемким технологиям Государственной Думы Российской Федерации

Владимир Мау, Ректор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Николай Меркушкин, Губернатор Самарской области

Сергей Морозов, Губернатор Ульяновской области

С. Нарышкин:

Уважаемые коллеги и друзья, я рад приветствовать вас на очередном заседании дискуссионной площадки Петербургского международного экономического форума. Тема нашей сегодняшней дискуссии сформулирована следующим образом: «Стратегия инновационного развития: приоритеты инвестирования».

Мы будем говорить о стратегиях и практиках, о привлечении инвестиций, о взаимоотношениях бизнеса и власти в этом процессе, о том, что нам удалось сделать, и о том, над чем нам еще придется поработать.

Прежде всего я хотел бы представить участников нашей сегодняшней дискуссии, хотя, конечно, участниками являются все сидящие в этом зале. Сергей Беляков, заместитель министра экономического развития Российской Федерации; Рустам Минниханов, президент Республики Татарстан; Бернارد Урс, главный операционный директор и старший вице-президент компании Danone; Дмитрий Зауэрс, председатель правления «Газпромбанка»; Клайд Таггл, старший вице-президент компании Coca-Cola; Виктор Вексельберг, президент Фонда «Сколково»; и Рубен Аганбегян, председатель правления и генеральный директор финансовой корпорации «Открытие».

Я бы хотел также представить вам уважаемых экспертов, которые примут участие в нашей сегодняшней дискуссии. Это Сергей Жвачкин, губернатор Томской области; мой коллега Владимир Кононов, первый заместитель председателя Комитета по науке и наукоемким технологиям Государственной Думы Российской Федерации; Николай Меркушкин, губернатор Самарской области; Сергей Морозов, губернатор Ульяновской области; Владимир Мау, ректор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. Как вы видите по составу участников дискуссии и экспертов, мы постараемся сегодня посмотреть на обозначенную тему с разных углов.

Для того чтобы дискуссия была живой и непринужденной, я прошу всех выступающих быть содержательными и лаконичными. Прошу ограничиваться пятью — максимум семью минутами на выступление, а комментарии наших экспертов я попрошу ограничить тремя минутами. Кроме того, в ходе нашей дискуссии мы должны дважды принять участие в голосовании по поставленным вопросам. Для этого у каждого имеется специальный пульт. К моменту голосования мы подробнее расскажем, как он работает.

Начиная дискуссию и предваряя будущее обсуждение, я хотел бы сказать несколько слов. В этом году Петербургский международный форум проходит в особых условиях. Дело не только в рисках экономического характера, которые мы констатировали и подробно анализировали год назад и ранее. В этом году мы видим новые вызовы, вытекающие из политических процессов: это и определенное обострение международной ситуации, и постоянные разговоры о санкциях в отношении Российской Федерации, и фактическое банкротство Украины — одной из крупнейших европейских стран, которая не может платить по своим долгам, в том числе за поставляемый российский газ. Как мы все понимаем, это порождает новые проблемы — проблемы не только для братского для нас народа Украины, для населения и промышленности этой страны, но и для обеспечения энергобезопасности всей Европы. Это первая особенность.

Второе: вы знаете, что многих, кто хотел принять участие в Санкт-Петербургском экономическом форуме, принуждали отказаться от поездки в Санкт-Петербург. Особенно активно над этим работали отдельные чиновники и политики за океаном. Что можно сказать на этот счет? Это стыдно, недостойно, нецивилизованно. Приличные люди так не поступают. Но, уважаемые коллеги, тем важнее наша встреча. Я искренне приветствую всех, кто стремится к экономическому взаимодействию, сотрудничеству, а значит и благополучию народов своих стран.

В центре внимания общей дискуссии нынешнего, уже 18-го по счету, Петербургского экономического форума стоят вопросы перспектив развития российской экономики. Сегодня российская экономика, как и экономика ряда других стран, испытывает сложности, но при этом как российская власть, так и российский бизнес с бóльшим или меньшим успехом отвечают на новые вызовы: выстраивается высококапитализированная финансовая структура, регулирование финансовых рынков консолидировано на уровне единого мегарегулятора, различными инструментами поддерживается макроэкономическая стабильность, в том числе и в ходе бюджетного процесса. Наводится порядок в такой капиталоемкой сфере, как государственные и муниципальные закупки. Наконец, все социальные обязательства государства перед населением надежно гарантированы. Не забудем мы и о двух новых субъектах Федерации: республике Крым и городе Севастополе. Им предстоит пройти свой путь в модернизации инфраструктуры и привлечении инвестиций. Для этого им необходимо довольно быстро интегрироваться в правовое и экономическое пространство Российской Федерации. Наряду с трудностями здесь возникнут и новые возможности, и интерес как для российских, так и для иностранных инвесторов.

В текущей повестке дня много вопросов, которые требуют обсуждения. Я бы предложил нам сосредоточиться на нескольких вопросах. Какие ресурсы экономического роста и стимулы для инвестиций сегодня особенно востребованы? Какой инструментарий имеется в распоряжении регионов и как регионы пользуются этими инструментами? На чем мы должны сосредоточиться, чтобы добиться максимальной взаимной пользы при применении таких инструментов, как государственно-частное партнерство и проектное финансирование? Наконец, как дополнительно мотивировать инвестиции в инновационный сектор российской экономики?

Первый вопрос я хотел бы задать Сергею Белякову, заместителю министра экономического развития. Сергей, как Вы оцениваете степень активности инвестиционного процесса? Какие факторы вызывают у Вас наибольшее опасение?

С. Беляков:

Большое спасибо. С одной стороны, отвечать на этот вопрос достаточно просто, потому что ответы лежат на поверхности. С другой стороны, мы много все это обсуждали, диагноз ставим правильный, рецепт для лечения болезни выписываем — а болезнь не лечится, состояние больного усугубляется. Сложность вопроса в том, что у нас нет результатов, которые мы могли бы предъявить бизнесу и обществу — ведь активность бизнеса должна повышать качество жизни населения, — а также самим себе, поскольку мы эти программы реализуем.

Основные проблемы, как мне кажется, таковы. Мы по-разному и с помощью разных критериев можем оценивать бизнес-климат. Рейтингов, которые оценивают инвестиционную привлекательность страны или экономики регионов, достаточно много. Но вне зависимости от того, какие методики используются, какие критерии оцениваются, кто опрашивает и кого опрашивают, группа лидеров — это касается мировых экономик и регионов Российской Федерации — по разным оценкам и разным рейтингам, примерно одна и та же, и группа аутсайдеров тоже примерно одна и та же. Это говорит о том, что если среда привлекательна для инвестиций, это воспринимается с помощью любых оценок, какие бы методики мы ни использовали. То же самое справедливо применительно к тезису о том, что если она непривлекательна, это тоже прекрасно видно. К сожалению, экономика Российской Федерации остается некомфортной с точки зрения привлечения инвестиций и создания инвестиционно благоприятной среды.

Мне бы очень хотелось сказать обратное и указать на то, что цифры, характеризующие приток иностранных инвестиций в том году, вывели нас на третье место в мире. Это действительно так: мы уступили только двум экономикам — Соединенным Штатам и Китаю. Но есть и другая цифра — цифра оттока капитала. Это демонстрация того, что проблема существует, и закрывать на это глаза невозможно.

В чем основные причины? Есть разные оценки. Я выскажу собственное мнение: первая причина — это уровень бюрократии, уровень присутствия государства в экономике. Существуют два фактора, которыми я описываю для себя степень воздействия государства на экономику. Первый — это чрезмерный объем регуляторных функций, которые государство пытается исполнять на разных уровнях. Объем этот таков, что исполнять их эффективно невозможно — не потому, что у нас неэффективные чиновники, и не потому, что у нас неэффективное Правительство. Я предлагаю сейчас это не обсуждать: то, что с чьей-то точки зрения может быть эффективно, с другой точки зрения может быть неэффективно; какой-то уровень более эффективен, какой-то — менее. Однако какие бы эффективные чиновники ни работали, какими бы правильными мозгами и отношением к делу они ни обладали, такой объем функций выполнить эффективно невозможно. Законодательство формируется с такой скоростью и в таком объеме, что требования, которые должен выполнять предприниматель, часто противоречат друг другу, и выполнить их все невозможно. Когда невозможно выполнить все требования, возникает единственно возможный путь решения проблемы и единственно возможный путь получения разрешения вести свою деятельность, а именно: решение всех возможных проблем неформальным способом. Так формируется коррупция. Это проблема номер два.

Коррупция, которая, по разным оценкам, является актуальной и неактуальной проблемой, — это действительно проблема для российской

экономики и предпринимателей. Коррупция может быть разной. Кстати, эта проблема характерна как для развитых экономик и демократических государств, так и для неразвитых и развивающихся экономик. Это существует везде и всегда, просто масштабы бедствия разные. У нас масштаб бедствия достаточно серьезный, и во многом мы его сами подпитываем увеличением объема регуляторных функций, которыми наделяем государство.

Проблема номер три — отсутствие конкуренции в экономике. Экономика неконкурентна. Нет конкурентности — нет стимулов повышать эффективность бизнеса. Это касается не только компаний с государственным участием, но и российских частных крупных компаний. А если нет конкуренции, нет необходимости бороться и выживать на рынке и побеждать в конкурентной борьбе, то нет и спроса на инновации. А если нет спроса на инновации, то инновационность экономики можно поставить под сомнение, поскольку ее невозможно насадить сверху административными указаниями, декларациями и требованиями, даже если эти требования касаются компаний с государственным участием. Это не является конкурентным преимуществом, потому что нет конкуренции, которую нужно побеждать, и, соответственно, нет инноваций. Есть ли идеи? Есть. Есть ли продукты? Есть. Где они внедряются? Не у нас. Что нужно сделать, чтобы эту проблему решить? Сократить долю участия государства в экономике через сокращение объема функций, которые мы на себя возложили, через участие государства в экономике как субъекта экономической деятельности и через реализацию программы приватизации: не передавать продаваемый актив другой компании с государственным участием, а отдавать его на частный рынок, таким образом повышая конкурентность экономики и снижая требования к бизнесу.

Я чуть подробнее остановлюсь на регуляторной среде. На мой взгляд, регуляторная среда законодательства носит запретительный для

инвестиций характер. На уровне законодательства мы пытаемся хеджироваться от всевозможных рисков, злоупотреблений, преступлений, нарушений законодательства. На мой взгляд, это невозможно. Нарушения будут всегда. Как бы четко мы ни описали на уровне закона требования к среде — требования, которые должен выполнить предприниматель или гражданин, — нарушения будут всегда. Мотивация, в соответствии с которой человек нарушит закон, — это не несовершенство законодательства, а желание получить какое-то незаконное конкурентное преимущество. Поэтому пытаться решить эту проблему жесткостью законов не совсем разумно, а мы пока пытаемся идти именно этим путем. В результате мы наблюдаем картину очень низкой инвестиционной активности. Я сейчас даже не имею ввиду цифры, характеризующие отток капитала. Инвестиционность в стране крайне низкая. Меня это очень беспокоит: достаточно сравнить ситуацию с началом 90-х годов — все присутствующие в этой аудитории, в силу своего возраста, может, даже лучше меня помнят, что это было за время. Законодательная среда недостаточно сформирована, а институты в принципе отсутствуют после трагедии, которая произошла с разрушением Советского Союза. Тем не менее предпринимательская активность была на очень высоком уровне. На мой взгляд, во многом именно эта активность помогла вытащить страну и экономику страны в тот сложный переходный период. Сейчас мы такой активности не наблюдаем. Значит, мы что-то не так сделали с институтами. Значит, они не помогают, а мешают развивать предпринимательство.

Мне кажется, нужно существенным образом снижать степень влияния государства и жесткости институтов. Нужно допускать возможность ошибок со стороны бизнеса, допускать возможность нарушения законодательства не по злему преступному умыслу. Нужно позволять бизнесу развиваться, а не пытаться его регулировать и указывать, что хорошо, а что плохо, и в каких направлениях мы считаем инвестиции приоритетными, а в каких нет.

Везде, где бизнес хочет вкладываться, надо считать инвестиции привлекательными.

Чтобы сгладить такую пессимистичную картину, поскольку наша тема посвящена инвестиционному развитию российской экономики и регионов, обратимся к вопросу: можем ли мы быть успешными? Однозначный ответ: да, можем. Это касается и эффектов нашей политики повышения инвестиционного климата в части движения в рейтинге по очень конкретным измеряемым показателям. Это касается и внедрения инновационных технологий в регионах, которые облегчают жизнь и создают комфортные условия для бизнеса. Если инновации для бизнеса — это способ повысить свою конкурентоспособность, то для регионов это способ создать качественную среду для населения, это более конкурентная власть и условия сохранения власти: если ты предлагаешь населению более качественную среду для жизни и более высокий уровень жизни, то тебя обязательно поддержат. Это вызов для региональной власти. Мне приятно, что сегодня есть возможность в присутствии президента Татарстана упомянуть проект «Иннополис». Когда приезжаешь в Казань, понимаешь, что в рамках этого проекта жить становится легче, процедуры проходятся быстрее, среда комфортнее. Когда приезжаешь в Москву, на территории всего города есть свободный доступ в Интернет, чего нет практически ни в одной другой столице мира. Значит, мы можем быть успешными. Такие истории успеха и надо реализовывать. Спасибо.

С. Нарышкин:

Спасибо, Сергей, за Ваше выступление. Кто-либо из экспертов хотел бы дать комментарии? Владимир Кононов, пожалуйста.

В. Кононов:

Спасибо, Сергей Евгеньевич.

Уважаемые дамы и господа! Сергей Евгеньевич уже упомянул, что в последнее время постоянно идут разговоры об экономических санкциях. Сегодня утром я открываю новости: Роджер Маннингс, председатель совета директоров Российско-британской торговой палаты, говорит: «Если бы нам пришлось обратиться к следующему уровню санкций, они бы имели более серьезные последствия для экономики России. Я не знаю, будут ли они политически эффективны, но я совершенно точно знаю, что они будут экономически болезненны».

Не нужно дожидаться, пока идут разговоры. Неважно, будут они или нет: для нас важно, что даже на уровне этих разговоров, как говорят в народе, нет худа без добра. Эти разговоры и возможные санкции могут и должны стать стимулом для ускоренного и даже прорывного развития отечественной науки и промышленности. Задачи понятны: создание конкурентоспособной продукции, развитие внутреннего спроса и внутреннего рынка. Россия должна ответить на этот вызов.

Второе — это сохранение достигнутого и развитие новых направлений. За примерами не нужно далеко ходить. Из истории: во времена «железного занавеса» СССР не только обеспечивал себя всем необходимым, но и выбился в мировые лидеры научно-технического прогресса. Мы запустили первый спутник. После этого Кеннеди провел расширенное заседание академии наук с привлечением министерства промышленности. Они утвердили программу на 50 лет. Два-три года назад новый президент провел новую программу, то есть мы показали им пример.

Сейчас нет ничего важнее, чем сосредоточиться на развитии науки и промышленности, на всех вопросах, которые бы подняли громадные внутренние резервы, имеющиеся в нашей стране. Я не буду говорить о том, что мы до сих пор удерживаем лидерство в космических технологиях, ядерной физике, авиации, судостроении. Успешно развиваются новые направления: фармацевтика, биомедицина, высокотехнологичная

медицина, нанотехнологии. Отсюда вторая мысль: нет ничего важнее, чем сохранять достигнутое и инвестировать в государственный и частный капитал. В этом я поддерживаю господина Белякова, но хочу сказать, что очень важно создавать государственные возможности, чтобы сохранять старое и развивать новое. Для этого существуют институты развития, которые должны работать над реализацией своих проектов в ускоренном режиме. Очень важный момент на данном этапе — это защита домашних производителей и повышение предпринимательской активности. Нужно создать условия, при которых бизнес выйдет из офшора и получит выгодные условия для ведения бизнеса и вложения средств, как говорит Президент России, на родной территории. В этом плане интересной площадкой может и должен оказаться Крым. Это тоже некий инструмент — может быть, не самый главный, но важный для реализации стратегии инновационного развития в современных условиях.

В заключение хочу сказать, что творческий инновационный потенциал России огромен. Однако активность инновационного развития в мире колоссальна, поэтому мы должны не догонять, а двигаться в прорывном плане. Я думаю, что сейчас для министерства и Правительства нет ничего важнее, чем, при поддержке законодательной власти, составить соответствующую программу действий, чтобы находиться на технологической передовой.

С. Нарышкин:

Продолжая начатую тему, я бы хотел задать следующий вопрос Бернару Урсу. Мы знаем, что Danone уже 22 года присутствует в Российской Федерации, имеет около 20 производственных площадок в различных регионах Российской Федерации и планирует дальнейшее инвестирование с довольно большим объемом (не буду раскрывать цифры). Вопрос такой: какие критерии вы используете в выборе того или иного региона для

инвестирования? Насколько вы учитываете фактор и степень инновационности региона?

B. Hours:

Спасибо, господин Нарышкин. Я буду говорить по-английски.

First, Danone is in Russia for the long term. You mentioned the investment that we had in the past, and we can talk about the USD 400 million that we will invest in the next three years. We are there to build this country and, of course, to build the leading company within Danone, because Danone Russia is the foremost contributing unit in the group.

It is a 1.5 million tonne company, so it goes without saying that we need to select our investments very carefully. We sell fresh products – excellent yoghurt, kefir, milk, and so on, so freshness is key, as you know. To be clear, we need to be close to the centres of consumption – close to cities like Moscow, St. Petersburg, Kazan, Samara, Yekaterinburg and many others – and we need to be very close to raw materials, because they are absolutely key for us. We sell products that come from cows, which come from milk farming, which come from local investment. So, what is especially important for us is to choose partners where we have help from local government, because in this case we can assist with investment in milk farming.

A country like Russia – I do not know if you know this, but it is very surprising – has a big deficit in milk. I do not think it makes sense that Russia has to import 25% of its milk. Russia should be able to produce enough milk for its people because, firstly, there has been a very large decrease in consumption since perestroika, and secondly, if you compare the level of consumption with daily requirements set by doctors, all the experts say we should increase consumption of dairy products in Russia by 30%. So, to be able to fulfil this need, we need to be able to produce locally.

I think we have very good examples in the room. For instance, we have just had a chat with Mr. Merkuskin, who is the governor of Samara Region, we also have good help from Kazakhstan, and there are many other examples. We are choosing to invest in places like Tyumen, Yekaterinburg, St. Petersburg, Samara, and so on, because we have help from the local governors there who are able to understand that we need to develop investment in dairy farming. This is first through expertise, which can come from Danone; we can really help, because we have a very good understanding of this business in more than 100 countries worldwide. For example, how we can improve productivity, how we can improve quality, and how we can really guarantee the level of dairy quality in all the regions. At the same time, the payback for the investment for the farmers has to be supported and helped somewhat by the governors of the local regions.

I think that we are trying very interesting things. For instance, in Samara, we are giving loans to farmers to buy 1,000 cows. They can buy 1,000 cows with direct financial help from Danone, and we get support from the regions; for instance, free advertising or media events to promote milk and dairy consumption in all the regions. We want to develop this. As you were saying yourself, we also need a bit of help solving particular problems – sometimes in terms of bureaucracy, sometimes in terms of having fewer certificates for finished goods when they don't exist in other countries – details like that. We believe that there is a bright future for milk production if all the regions behave like some of the best examples I have mentioned now.

С. Нарышкин:

Спасибо, Бернад, за Ваше выступление. Вы сослались на одного из наших экспертов, губернатора Самарской области Николая Меркушкина. Николай Иванович, я не удержусь и задам Вам вопрос: какие Вы предпринимаете шаги в Самарской области, чтобы со стороны региональной власти

поддержать инновационные предприятия? Какие трудности есть на этом пути?

Н. Меркушкин:

С Danone у нас сложилась хорошая история, и сейчас реализуется очень хороший проект. Мы пытаемся синхронизировать объемы переработки с объемом производимой продукции — я имею в виду сырье. Думаю, через год-полтора будет реализован очень хороший для Самарской области, и не только для нее, совместный проект.

Однако частично я не соглашусь с господином Урсом. На мой взгляд, Россия должна не только кормить себя молочными продуктами, но и активно их экспортировать. Чтобы быть конкурентоспособными, мы должны производить значительно больше, чтобы себестоимость была ниже, потому что у нас очень много регионов, которые могли бы занять свое население в молочном производстве. Мы, к сожалению, больше склонны к тому, чтобы развивать растениеводство, которое создает в восемь—десять раз меньше рабочих мест в сельской местности, чем животноводство. Мы можем производить в разы больше, экспортировать молочные продукты и занять наше сельское население — 26% населения, проживающего в сельской местности.

Что касается взаимодействия, я его полностью поддерживаю. Это полезное взаимодействие, включая инвестиции, — это конкретная помощь крестьянам, фермерам со стороны Danone, что позволяет быстро развивать производство. По итогам прошлого года рост производства молока в Самарской области составил 12%.

С. Нарышкин:

Большое спасибо. Я передаю микрофон Рубену Аганбегяну. Рубен, я попрошу Вас в своем выступлении ответить на такой вопрос: как и где

предпринимателям найти кредитные ресурсы для развития своего инновационного бизнеса?

Р. Аганбегян:

Мне подсказывают ответ: группа «Открытие». Безусловно, ключевой момент — это доступность денежных ресурсов. По моему мнению, это самое главное, потому что предпринимательскую инициативу не развить без доступных средств, причем доступных именно в конкурентном плане. Здесь у нас есть огромное количество резервов.

Во-первых, если посмотреть на наш финансовый сектор на текущий момент, то нельзя не отметить в нем доминирование институтов с государственным участием. С одной стороны, это хорошо, поскольку таким образом государство может проводить в жизнь свою политику в области доступности капитала. С другой стороны, из-за того, что конкуренция в финансовом секторе у нас обладает очень сильным акцентом на институты с государственным участием, в определенных сегментах произошла монополизация финансового сектора. Если предприниматель не получает понимания в государственном банке, то его обращение в частную структуру сразу приводит к возрастанию затрат, что является отрицательным моментом.

Вторым фактором, над которым нужно работать, является доступность длинных денег. На текущий момент длинные деньги для длинных проектов доступны только в государственных банках, либо при открытии окон на рынке капитала, но мы знаем, что проекты ранней стадии не могут выйти на рынок капитала. Мы неоднократно это отмечали, и отмечу еще раз, что у нас в стране есть собственные длинные ресурсы. Это и деньги негосударственной пенсионной системы, и целый ряд других источников. Я очень надеюсь, что проводимая в этом году пенсионная реформа, а именно акционирование пенсионных фондов и их вступление в систему

гарантирования, позволит Центральному банку, как регулятору, продлить инвестиционную декларацию с существующего одного года на более длительный срок. Тогда эти деньги смогут стать одним из источников, но нужно развивать и другие источники.

У нас недоработана система страхования, которая тоже является одним из крупнейших в мире источников финансирования любых проектов и длинных денег. Банковская система в этом случае выступает просто транспортером капитала от тех, у кого он есть, к тем, кому он нужен.

Соответственно, если говорить кратко, то у нас есть следующие ключевые факторы: во-первых, пустить на рынок те длинные деньги, которые у нас есть; во-вторых, создать новые источники длинных денег; в-третьих, заняться развитием конкуренции в банковском секторе в сторону уравнивания шансов между государственными и негосударственными институтами. Как это сделать? Я предложу одну идею, и, думаю, мои коллеги из госбанков будут ей очень рады. Давайте их приватизируем: как показывает практика, это уравнивает шансы, и мы это уже проходили. После приватизации в течение двух-трех лет быстро уравниваются шансы между только что приватизированными госпредприятиями и всем остальным частным сектором. Спасибо.

С. Нарышкин:

Спасибо, Рубен. Задавая Вам вопрос, я не имел в виду, что дам Вам возможность прорекламирровать возглавляемую Вами финансовую корпорацию, но Вы это аккуратно сделали и при этом содержательно ответили на вопрос.

Я бы хотел предоставить слово господину Тагглу. Уважаемый господин Таггл, Вы хорошо известны в России, и мы не в первый раз встречаемся на площадке Петербургского экономического форума. У меня к Вам такой вопрос: по Вашему мнению, являются ли критичными для восприятия

привлекательности российского рынка те нюансы геополитического характера, о которых я упомянул в начале нашей дискуссии?

C. Tuggle:

Mr. Naryshkin, thank you very much. I would like to reflect on the current situation as it relates to business opportunity here and around the world. We have been operating in Russia since the early 1990s. We have now invested significantly here – we have 19 production facilities, and nearly 13,000 employees working in our system – and I think that one question being posed today relating to investment in Russia is really tied directly to this whole discussion about innovation itself.

I look at a company like Coca-Cola, which is now 128 years old, and I see that our ability to grow in the long term in a sustainable fashion is not unlike the challenges that an economy like Russia faces, or quite frankly, any other economy. We have learned a lot of lessons over the last 128 years. In 1886, when the product was first invented, we sold only nine a day. Today we have more than 500 products and we now sell products across the entire non-alcoholic beverage spectrum, and the magnitude is nearly 1.9 billion. The heart of sustainable, long-term growth, whether you take a business like ours or an economy like yours, in my opinion is driven by four things.

First of all, it is about the people. It is about the investment in the people and their education; it is about the environment that allows people to thrive and grow and bring forward new thinking. The second point I would make, just to pick up on an earlier point, is that it is all about the investment. It is about investing in technology, investing in science and the ability to produce and distribute more effectively. The third point really is about institutional capability. So, whether you are a business or a government, are you building the institutional capability to innovate in the long term? The final point is very important, and picks up on a

point Mr. Belyakov made earlier: It is about competition. At the heart of long-term and sustainable growth, you have got to have a very competitive environment.

When I look at our success here – and we now operate in more than 200 countries around the world – whether it is in Russia or any other market, we understand that it is all about partnership. It is about the ability for our business and industry to invest in these four areas, but it is also about operating in an environment where that investment sees the fruits bear out over the long term. We are very proud of what we have built around the world over the last 128 years.

My final point would be – again, whether you are a company like Coca-Cola or a sovereign economy – the idea that reinventing yourself, constantly, is really at the heart of success. These are just a few of the lessons that we have learned over the last 128 years, and it is really a challenge for us going forward.

The final thing I would say is that you have to expect the unexpected. An example is that Russia was the site of the first production for us of fermented non-alcoholic beverages, a technology that we have now successfully exported to other markets. One final point is that I think success – again, whether it is an economy or a business like ours – is waking up, whether it is five, ten or twenty years from now, and seeing a very different business or a very different economic landscape in which you operate. These are just a few lessons that I can bring to bear that we have learned over the last century in our business. Thank you.

С. Нарышкин:

Клайд, спасибо за содержательное выступление, хотя Вы очень аккуратно ушли от прямого ответа на мой вопрос о влиянии геополитики на привлекательность российского рынка. Давайте тогда поступим так: я задам этот вопрос залу, и мы проведем голосование. Вопрос звучит так: является

ли сегодня российский рынок привлекательным для иностранных инвесторов? Голосование пошло.

Спасибо, голосование завершено, я прошу показать результаты. Владимир Александрович, Вы всегда очень хорошо и с юмором комментируете результаты. Сделайте это и сейчас, пожалуйста.

В. Мау:

Инвестиционный климат — это в значительной мере психология, потому что инвесторы ориентируются на психологию. Результаты голосования свидетельствуют об оптимизме участников нашей панели, и это хорошо. Явление часто такое, каким мы его видим или хотим видеть. В данном случае это значит, что все будут работать на привлекательность российских регионов. Это действительно важно, поскольку именно регионы являются той конечной точкой, соприкасаясь с которой инвесторы принимают окончательное решение. В общем, очень оптимистичный результат.

С. Нарышкин:

Спасибо, Владимир Александрович.

Я бы хотел обратиться к представителю российского инвестора, «Газпромбанка». «Газпромбанк» является и инвестором, и кредитором крупных региональных инфраструктурных проектов. Скажите, пожалуйста, как Вы подходите к выбору того или иного региона, принимая решение: инвестировать в его пределах или нет?

Д. Зауэрс:

Спасибо за вопрос. Я бы хотел сфокусироваться на теме государственно-частного партнерства, которое, на наш взгляд, является ключевым институтом инфраструктурного развития регионов. Исходя из того опыта, который «Газпромбанк» имеет в области различных отраслей — транспорта

(мы делали Западный скоростной диаметр, обход Одинцово), социальной инфраструктуры, образования и здравоохранения, — мы сформулировали для себя несколько крайне важных выводов и тезисов.

Во-первых, реализация таких проектов требует создания совершенно новых моделей взаимодействия, создания условий. Я согласен с коллегами, господином Беляковым и господином Кононовым, которые говорили о том, что очень важно создавать эти условия как со стороны государства, так и со стороны инвесторов и регионов. Важно понять, что только вместе все участники могут создать условия для реализации каждого проекта. По каждому проекту нужно проходить это практически заново, пока нет достаточного количества институциональных оснований.

Мы четко понимаем, что нельзя требовать от государства создания чего-то, не участвуя в этом. В частности, мы прекрасно понимаем, что реализация проектов инфраструктурного развития требует создания в регионах законодательной и финансовой инфраструктуры и иногда изменения культуры взаимоотношений чиновников, инвесторов и муниципалитетов. «Газпромбанк» сегодня абсолютно безвозмездно консультирует ряд регионов с нуля, начиная с того, каким образом правильно структурировать законодательство, хотя это и не наша функция. Важно понимать, каким образом мы будем финансировать проекты, как сделать так, чтобы законодательство было наиболее удобным и широким с точки зрения разных отраслей, поэтому взаимодействие и вовлеченность в процесс всех участников крайне важны. Невозможно сделать всё по отдельности, базируясь на своих конкретных ролевых функциях.

Второе по порядку, но первое по значимости, если говорить о проектах в регионах, — это отношение первого лица, губернатора, к тем или иным проектам развития. Без этого ничего не получается. Многие уже говорили про Татарстан, который является хорошим примером регионального развития во всех отношениях, но я бы хотел привести пример маленького,

но крайне важного проекта. Мне кажется, что Сергей Анатольевич Жвачкин не случайно сидит сегодня в первом ряду, поскольку благодаря его инициативе и поддержке мы смогли сделать очень интересный проект. Относительно легко делать проекты в сфере дорожной инфраструктуры, потому что там есть экономика, а делать проекты в области развития социальной инфраструктуры (в частности, мы сейчас реализуем проект по строительству 15 детских садов) крайне сложно, потому что очень сложно найти частных инвесторов, очень сложно найти экономику. Тем не менее за год с нуля удалось сделать региональное законодательство по ГЧП, структурировать финансирование и найти хорошего местного строителя, то есть за полтора года решить задачу, которую регион решал бы семь—десять лет. Здесь крайне важно отношение первого лица, потому что мы натолкнулись на невероятное количество проблем, связанных со взаимоотношениями внутри региона. Правильно коллеги говорят: это объективно не вина властей — вот беда.

Нужно потихоньку формировать многие факторы, которые, к сожалению, не были созданы исторически. Необходимы постоянные переговоры и с органами исполнительной власти, и с органами законодательной власти, и с регуляторными, и с силовыми органами. Желание сделать, найти возможности и преодолеть многие проблемы во многом зависит от губернатора. Очень важно не бояться это делать, и мы готовы помогать. Я думаю, все понимают, как важно развивать проекты социальной инфраструктуры: в конечном итоге это создает условия для развития бизнеса, для привлекательности региона и жизни там.

Последнее, что хотелось бы сказать: мы считаем очень важным принятие законодательства по ГЧП на федеральном уровне и стараемся активно участвовать в этом. Мы считаем, что это создаст совершенно иные институциональные условия для реализации таких проектов. Большое спасибо!

С. Нарышкин:

Дмитрий, спасибо за выступление. Вы тоже сослались на одного из наших экспертов, губернатора Томской области Сергея Жвачкина. Поэтому, Сергей Анатольевич, я задам вопрос Вам. Очевидно, что инновационное развитие является одним из главных приоритетов Томской области. Не случайно, что в Ассоциации инновационных регионов России Комитет по законодательству возглавляет именно Томская область. Скажите, каких успехов область добилась и с какими трудностями вы встречаетесь?

С. Жвачкин:

Спасибо, Сергей Евгеньевич. Прежде всего, обратимся к понятию инновации, которое, на наш взгляд, несколько затерлось: это как с внедрением в Советском Союзе знака качества, который в конце концов начали ставить на каждый продукт. Мне кажется, и слово «инновационный» мы стали прилеплять ко всему, что сегодня производится в России. Нельзя массово сделать под одну гребенку все регионы. Например, инновации в сфере IT: понятно, что их бесполезно внедрять там, где нет базы, и если область занимается сельским хозяйством, нужны инновации в первую очередь в сельском хозяйстве, а не в IT. Например, мы совместно с Министерством природных ресурсов, нашими вузами и недропользователями открыли первый в России полигон по трудноизвлекаемой нефти, по баженовской свите, и я не сомневаюсь, что там будут результаты. На мой взгляд, надо подходить только точно и в плане федерации, и в плане отдельных регионов.

Второе, что хотелось бы сказать: всё, что связано с инновациями, требует корректировки со стороны существующих постановлений. Так, постановление об особых экономических зонах было тем зерном, через которое инновации должны были развиваться, но, мягко говоря, оно не

работает. Сейчас выходит закон с поправками, который надо скорее принимать, потому что поставленные задачи в целом, может быть, и выполнены, но две основные — увеличение числа резидентов и создание инфраструктуры — абсолютно не выполняются. Я могу сказать, что по томской зоне за счет Москвы не прибыло ни одного резидента: нам пришлось постараться самим. То же самое по инфраструктуре: мы провели исследование среди международных компаний, которые составляют 70 наших резидентов, таких как Siemens и Bosch, и среди российских компаний. Ушло то время, когда самым главным было снижение налогов и таможенных сборов. Сегодня многие говорят об инфраструктуре, а мы понастроили отдельных зон, которые абсолютно не отвечают современным требованиям, что надо учитывать.

Следующий момент — это кадры, которые решают всё. Господин Таггл с гордостью сказал сегодня, что компании Coca-Cola 128 лет. Но с момента открытия Императорского университета в Сибири прошло 136 лет. Еще тогда были предпосылки к тому, чтобы Томск всегда был связан с инновациями. Сегодня мы обогнали и Москву, и Петербург по количеству зарубежных учащихся: у нас 75 регионов и 40 стран мира. Это огромный потенциал, но и здесь надо работать точно, а мы сегодня всё делаем массово. У нас действуют специальные программы: например, мы работаем по выпуску специалистов для «Росатома» с теми проектами, которые они выполняют во Вьетнаме. Для арктических проектов «Газпрома» в университетах также работают специальные группы. Надо уйти от массового внедрения инноваций и перейти к точечному. Только тогда будут результаты.

С. Нарышкин:

Спасибо, Сергей Анатольевич. Следующий мой вопрос адресован руководителю Фонда «Сколково» Виктору Вексельбергу. Виктор

Феликсович, инновационный центр «Сколково» работает уже несколько лет. За эти несколько лет написана часть истории «Сколкова», и часть ее наверняка успешна. Как Вы оцениваете роль Фонда «Сколково» в формировании инновационной среды в России?

В. Вексельберг:

Большое спасибо за вопрос. Фонд «Сколково» — это институт развития, который был создан около четырех лет назад. Мы видим свою задачу в разработке модели, по которой в будущем по всей России могли бы формироваться подобные центры по тем или иным формам институциональной поддержки инновационной предпринимательской деятельности.

Я думаю, что в голове у каждого из нас слово «инновации» приобретает свои формы, но я бы хотел, чтобы мы согласились с тем, что инновации — это бизнес, построенный на знаниях. Умение пользоваться этими знаниями для того, чтобы создавать новые продукты и технологии и коммерциализировать их, — это ключевой элемент всего инновационного подхода к реальной действительности.

Можно долго говорить о том, что это за экосистема и какие у нее элементы, но я бы хотел выделить одно из ключевых направлений. Инновации реализуют люди. На сегодняшний день стоит вопрос: есть ли у нас кадровый потенциал, который готов справиться с теми задачами и вызовами, которые стоят перед российской экономикой? Ситуация сегодняшнего дня, увы, выглядит катастрофически. Я не говорю об африканских странах, но среди ведущих стран Россия занимает последнее место по предпринимательской инновационной инициативе. Если пересчитать на количество предпринимателей, получатся доли процента, и выглядим мы достаточно пессимистично.

Как исправить эту ситуацию и как найти решение этого вопроса? Первая реакция на сложившуюся картину: где же эти предприниматели? Первый ответ: уехали. Уехали, потому что страна не предоставила им возможности. На сегодняшний день, в какую бы продвинутую, цивилизованную, глобальную корпорацию вы ни пришли, вы везде увидите наших соотечественников, особенно в IT-секторе и высокотехнологических компаниях. Складывается впечатление, что у нас исчерпан кадровый потенциал, но, поверьте, это не так. Результаты деятельности нашего фонда за три года говорят о том, что, несмотря ни на что, в стране на сегодняшний день существует огромный кадровый потенциал, способный решать самые современные и сложные технологические проблемы.

У нас сложился стереотип о том, что этот кадровый потенциал сейчас сконцентрирован в традиционных регионах: в Новосибирске, Томске, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге. Для того чтобы сложить и понять эту картинку, в прошлом году мы запустили механизм под названием Startup Village. Мы проехали по городам России и открыли двери для того, чтобы молодежное — и не только молодежное — инновационное предпринимательство смогло о себе заявить. В прошлом году мы проехали по 16 городам, в этом году — по 28 регионам, причем мы приезжали в города, которые традиционно не считаются инновационными. Результат нас поразило. Количество инициативных, интересных, качественных проектов, которые заслуживают самого пристального внимания, оказалось выше любых наших прогнозов. В начале ноября у нас состоится финальная стадия этого тура, финалисты приедут в Москву, и на сегодняшний день мы ожидаем порядка 5 000 компаний, которые готовы приехать в Москву с готовыми реальными продуктами. Мы планировали, что у нас будет порядка тысячи участников. Это не искусственное мероприятие, а естественное желание наших предпринимателей при соответствующей поддержке. Фонд оказывает институциональную поддержку: это и налоги, и гранты, и соответствующая

административная поддержка, связанная с защитой интеллектуальной собственности, — и тем самым помогает реализовать тот огромный потенциал, который есть у нас в стране.

Одновременно я хотел бы сказать и о другом. Ресурсом этого потенциала является высшая школа. Для того чтобы появлялись люди, которые способны зарабатывать на знаниях, нужно соответствующее образование. В рамках Фонда «Сколково» на сегодняшний день создан Институт науки и технологий, который пытается решать эту задачу по своей модели, объединяя в процессе образования три на сегодняшний день очень важных неразрывных процесса: базовое образование, исследование, объединенное с процессом образования, и коммерциализацию результата этого исследования. Лишь в объединении этих трех элементов мы можем получить специалиста — носителя того знания, которое может в конечном счете реализовать и предложить рынку и экономике конечный продукт.

Многие университеты на сегодняшний день двигаются в эту сторону, создают процессы второго поколения, объединяя образовательные процессы с исследовательскими. Процесс исследования надо трактовать в самом широком смысле этого слова. Я думаю, что реформа высшей школы, особенно в технологическом секторе, назрела, она необходима. Лидеры — наш ФизТех, МГУ и Томский университет — двигаются в этом направлении, но это должно быть массовым явлением и требованием ко всей высшей школе. Нам бы очень хотелось, чтобы в кооперации, интеграции, объединении мы задали эту правильную тональность.

Результаты, которых достиг Фонд «Сколково», подтверждают, что у нас есть реальный, конкретный потенциал. На сегодняшний день мы имеем более тысячи резидентов, тысячи компаний — обладателей этого продукта. В первый год работы фонда объем произведенной продукции составлял миллиард. В прошлом году, во второй год работы фонда, объем продукции, реализованной нашими резидентами, только в научно-исследовательской

сфере составляет 17 миллиардов. В этом году мы планируем выйти на уровень более 25 миллиардов рублей. Много это или мало? Для индустрии знаний это очень качественный результат, который показывает, что потенциал у нас в стране огромный.

Я хочу привести пример, показывающий, что, при всем нашем скептицизме и разговорах о том, что мы проигрываем по технологиям, мы сегодня являемся обладателями результатов, которыми просто не до конца умеем пользоваться. Одна из наших компаний, компания «Т8», сегодня является обладателем мирового рекорда по скорости передачи информации. Это беспрецедентная история: наряду с глобальными компаниями, мы, маленький стартап, сегодня достигли такого результата. Важно, чтобы это не потерялось в существующей среде, чтобы государство через институт госзаказа и частно-государственного партнерства сумело создать инфраструктуру для реализации этой возможности.

Второй пример. Авиационная промышленность — самая консервативная. Две ведущие корпорации — Boeing и Airbus — используют российское программное обеспечение для проектирования наиболее сложных вещей, таких как конфигурация крыла и так далее. Это знание, которым сегодня обладают в России. Таких примеров сотни. Поэтому так удивившие всех 60% привлекательности российского рынка построены в первую очередь на том, что в России — огромный интеллектуальный кадровый потенциал. Ни в одной другой стране мира у корпорации нет возможности прийти и быстро набрать людей, исходя из любых возможных требований к базовым институтам знаний, технологическим знаниям индустриальных дисциплин.

Я бы хотел закончить свое выступление на оптимистичной ноте и выразить уверенность в том, что Фонд «Сколково» как институт развития в дальнейшем сформирует ту модель, которая должна быть распространена по нашим ведущим регионам. Таких проектов должно быть минимум десять, тогда мы добьемся необходимого уровня.

С. Нарышкин:

Виктор Феликсович, большое спасибо. Шестьдесят два процента удивили только Владимира Александровича Мау, а большинство участников дискуссии являются твердыми оптимистами. Я знаю, что в 13:00 Президент России встречается с представителями крупного бизнеса, а Вы один из них, поэтому мы Вас с благодарностью отпускаем и поручаем Вам рассказать на этой встрече о мнении нашего круглого стола относительно проблем и задач инновационного развития регионов.

Уважаемые коллеги, Россия отличается большим разнообразием регионов, и я уверен, что это одно из наших конкурентных преимуществ. Конечно, у каждого региона есть свои проблемы, своя тактика и своя стратегия поведения. В Татарстане разработана стратегия развития до 2030 года. Рустам Нургалиевич, у меня в этой связи провокационный вопрос: зачем до 2030-го?

Р. Минниханов:

Зачем — вопрос непростой. Сегодня много говорят о том, что с нами будет через 10-15 лет, и если мы не будем четко понимать, куда нам двигаться, то будет сложно. Поэтому наши консультанты рекомендовали нам выработать стратегию до 2030 года, и я считаю это нормальным. Если мы сегодня упустим какие-то моменты, то можем оказаться отстающими. Чтобы мы могли быть конкурентными, наша экономика и наша работа должны основываться на инновационности, а инновационность сама по себе не формируется, ее надо создавать, и главная движущая сила — это люди. Нам надо формировать людей, которые могли бы быть конкурентными, то есть людей образованных, которые хотят что-то сделать.

Важно, чтобы наша образовательная система соответствовала тем вызовам, которые стоят перед нашей страной. Каждый регион здесь должен

привнести свою долю. Я говорю не только о высшей школе: все начинается с детского сада. Если ребенок не получил тех навыков, которые ему нужны в школе, он будет отставать, а сегодняшняя система школьного образования требует серьезных изменений. Мы живем иллюзиями о том, что наша школьная программа — лучшая в мире. Ничего подобного, ее надо менять. Конечно, этот процесс идет не так быстро, но мы привлекли специалистов из сингапурской компании Educare. Они сначала обучили наших методистов в Сингапуре, потом мы создали подразделение здесь и хотим полностью воплотить эту систему во всей республике.

Сегодня говорили о финском опыте. Мы не всегда воспринимаем все новое правильно. У нас есть один преподаватель, который работал в Финляндии. Мы его пригласили поработать в Казани. Родители очень довольны, но все надзорные органы, в том числе правоохранительные, недовольны. То есть нужно менять нашу ментальность, поменять многое в наших мозгах, в том числе у надзорных и проверяющих органов. Поэтому очень важная составляющая нашей работы — это образование, образованность и соответствие наших образовательных учреждений существующим вызовам. Нужно сказать и об инвесторах. Инвестор смотрит, есть ли инфраструктура, есть ли персонал, который может работать. В этом тоже есть наша ответственность — детские дошкольные, образовательные учреждения, ресурсные центры. Мы определили 25 ресурсных центров, но нам нужны товаропроизводители — бизнес, который должен поставлять заказ и вместе с нами участвовать в подготовке этих людей. Наше будущее — в нашей молодежи и в наших детях, и это направление надо очень активно поддерживать и продвигать.

С. Нарышкин:

Спасибо, Рустам Нургалиевич, за то, что Вы так серьезно ответили на мой вопрос. Давайте зададим этот же вопрос всем участникам сегодняшней

дискуссии. Я попрошу вас взять в руки пульт и ответить на такой вопрос: нужны ли нашей стране долгосрочные экономические стратегии на период свыше 15 лет?

Голосование завершено. Владимир Александрович, Вам слово.

В. Мау:

Сергей Евгеньевич, не знаю, будете ли Вы удивлены, но я ожидал такого ответа. Мнения разделились пополам, воздержавшихся ноль. Вопрос, мне кажется, очевидный: трудно предположить, что кто-то скажет, что такие инвестиции не нужны. Я бы скорее попросил тех, кто дал отрицательный ответ, объяснить, почему.

С. Нарышкин:

Есть ли желающие прокомментировать свой отрицательный ответ? Пока нет.

Коллеги, как Вы считаете, насколько эффективно инвестиционная, инновационная и интеллектуальная политика региона воздействует на культурное развитие населения? Сергей Иванович Морозов, я попрошу Вас ответить на этот вопрос. Губернатор Ульяновской области Сергей Иванович Морозов.

С. Морозов:

Большое спасибо, Сергей Евгеньевич. В самом начале я хотел бы поддержать господина Вексельберга. Я большой сторонник того, что нужно очень позитивно оценивать результаты развития индустрии знания в РФ. У себя в регионе мы очень тесно увязываем инвестиционную и инновационную деятельность и сразу предъявляем четкие требования к новым инвесторам. Инвестиционные проекты должны основываться только на передовых инновационных подходах. Какой инструментарий мы

используем? Сегодня уже много говорили на эту тему. Это прежде всего кластеры, которых у нас почти десять. Два ведущих кластера — авиационный и ядерно-инновационный.

В прошлом году вместе с «РОСНАНО» мы открыли уникальный наноцентр. Спустя менее полугода у нас уже 30 крупных стартапов, в том числе с международным участием. Приносит ли это результат? Да, приносит. Два года назад совместно с федеральным Правительством и Объединенной инвестиционной корпорацией мы приняли решение построить уникальный, крупнейший в Европе завод «АэроКомпозит». Было определено, что эти требования должны распространяться и на завод. В результате совсем скоро вместе с руководством страны мы будем открывать этот завод, но рядом с ним появился огромный центр знаний, инжиниринговый центр, причем работающий и на все остальные отрасли.

Можно ли достичь большего результата, Сергей Яковлевич? Это проскальзывало в дискуссиях сегодня: можно, потому что инновационная и инвестиционная деятельность сразу подталкивает к изменениям социальной инфраструктуры, о которой говорили здесь губернаторы. Думаю, что в конце концов все это приводит к увеличению конкурентоспособности и регионов, и нашей страны. За этим будущее.

С. Нарышкин:

Большое спасибо. Владимир Александрович, в завершение нашей дискуссии — главный провокационный вопрос. В чем Вы видите основные риски, которые встают на пути инвестиционной и инновационной политики и инновационного развития регионов России?

В. Мау:

С точки зрения краткосрочной политики, наша основная проблема в том, что недостатки часто переходят в достоинства и наоборот. Сейчас у нас

низкая безработица и загруженные мощности. В краткосрочном периоде основной проблемой для инвестиций будет проблема поиска кадров. В нынешней демографической ситуации основной барьер — это кадры вообще и квалифицированные кадры в особенности. Это очень нестандартная задача, которая должна решаться прежде всего на региональном уровне, с точки зрения привлечения квалифицированных кадров в свои регионы. Россия будет расти точками роста, которые будут концентрироваться в крупных агломерациях, и большинство губернаторов, присутствующих здесь, формируют эти точки роста.

Если говорить о более долгосрочном периоде, возникает проблема понятности. Всё, что делается, должно быть понятно. Когда-то говорили о таком простом критерии: действия должны быть понятны читателям *Financial Times*, *New York Times* без дополнительных разъяснений. Это было бы важным долгосрочным фактором привлечения инвестиций, причем любых, не только иностранных. Основная задача — это инвестиции вообще, инвестиции из разумных юрисдикций, и я бы не делал различий между тем, являются ли они иностранными или российскими. Большое спасибо.

С. Нарышкин:

Большое спасибо, Владимир Александрович.

Уважаемые коллеги, завершая, я бы хотел сказать, что инновации и инновационное развитие должны стать настоящим приоритетом регионов и страны в целом, а также руководителей регионов. Руководители и те, кто работает в исполнительной и законодательной власти, должны стать настоящими фанатами инноваций. В этой связи я бы хотел рассказать вам небольшой анекдот. Владимир Михайлович Кононов возглавляет Федерацию гольфа Московской области: он подтвердит, что тот, кто

серьезно играет в гольф, является истинным фанатом этой игры, и все остальное отступает на второй план.

Утро. Англия. Гольф-клуб. Двое почтенных британцев пенсионного возраста играют в гольф. Гольф-поле граничит с кладбищем. В какой-то момент они замечают, что к кладбищу движется траурная процессия, несут гроб, и один из двух гольфистов снимает бейсболку и замирает в скорбной позе. Второй удивленно смотрит на него: «Вы знаете, Джон, я не предполагал, что Вы настолько чувствительны к чужому горю». Второй отвечает: «Ну как же, ведь мы с Элизабет прожили вместе сорок счастливых лет».

Я хочу пожелать, чтобы все мы были так же преданы инновационному развитию регионов и Российской Федерации в целом, и хочу поблагодарить всех за сегодняшнюю очень интересную, содержательную и богатую дискуссию. Спасибо.